

Анисовые драже невозможно разделить поровну, и кто сколько получил — не разберёшь, но вот сколько кому досталось — видно сразу.

Сначала всем перепадало примерно одинаково, но когда осталась последняя крошка, её поделили между самыми младшими — Елизаветой и наследным принцем Ричардом.

Герцог Пуддинг, всегда уверенный, что последний кусок пирога на столе достанется непременно ему, наконец-то понял слова своего дяди Рафаэля. Он ненавидел детей младше себя, и дело было вовсе не в анисовых драже! Главное — бабушка же должна была любить его больше всех!

Позже тем же вечером, когда в комнате остались лишь королева-мать и Август, маленькая старушка тайком сунула ему ещё одну коробочку.

— Не сердись, а? Конечно, ты у меня самый любимый.

Честно говоря, Август ехал в Лондон с настроением на дворцовые интриги, готовый стать настоящим бойцом. Казалось, в него вселились духи Цзиньцзяна и Цидьяня разом — он был не один в этой борьбе!

А потом...

Ничего не произошло.

Постоянное население английского дворца составляло четыре человека; даже с учётом Августа, Рафаэля и редко бывавшей в Лондоне королевы-матери набиралось всего семь. Для призыва дракона — самое то, но для дворцовых интриг... Кому с кем бороться?

Четверо стариков и детей, годных разве что на роль реквизита в дворцовых драмах, да Рафаэль, больше увлечённый «спасением мира» за стенами дворца. Пересчитывать было нечего — оставались лишь вечно враждующие Ричард и Мария, отец и дочь. Вражда у них и впрямь давняя, но мисс Мария была женщиной принципа «если можно высказать прямо — не стоит тратить слова». Король? Не в духе — так и покажет! Никаких изысков.

Бытовые склоки, мелкие перепалки — каждый день могучий рёв Ричарда II разносился над Хэмптон-кортом.

В переводе на человеческий язык крики сводились к следующему: «Я твой отец, а ты моя дочь! Неужели нельзя проявить немного уважения и не бежать по каждому поводу жаловаться старшим?»

Мисс Мария, встав за спину королевы-матери — ту, несмотря на её миниатюрность, казавшуюся в такие моменты исполинской, — вмиг изображала на лице немое «не-слушаю-не-слушаю-черепаший-бред».

Ричард II злился ещё пуще.

И так по кругу.

Август, как сторонний наблюдатель, был поражён. Впервые в жизни он видел, чтобы дворцовые интриги были столь просты, грубы и в то же время полны такой житейской подлинности. Признавал — блестяще.

Более того, в тот день, когда он наконец узрел, как мисс Елизавета — та, что имела все задатки стать «белой лилией», — играла с наследным принцем, и тот нечаянно толкнул её, Август даже не успел додумать, изберёт ли мисс Елизавета путь «тихо заплачу и всё переживу в одиночку» или «вроде как промолчу, но так, чтобы все услышали», как юная леди уже сама поднялась, решительно закатала рукава, ухватила принца за пухлые щёки и принялась их отчаянно тискать.

Принц-Пирожок вёл себя образцово-покорно: терпел и молчал. Под конец, с покрасневшими глазами, жалобно спросил: «Лиз, ты больше не сердишься? Значит, в следующий раз ещё поиграешь со мной?»

Мисс Елизавета, к собственному стыду, ответила: «Конечно, поиграю».

Во всём дворце детей было всего двое; даже если они и поссорятся, в конце концов всё равно помирятся. Никуда не деться — симбиоз товарищей по играм, прочный, как школьная дружба, скреплённая совместными походами в туалет. Несмотря на то, что мисс Мария нынче выглядела настоящим тираном, готовым бросить вызов всему миру, ещё несколько лет назад она с немалым энтузиазмом пила послеобеденный чай с мисс Елизаветой и куклами.

Эту ценную информацию любезно предоставил граф Рафаэль. С намёком сказал он Августу: «Она перестала играть в куклы не потому, что разлюбила это, а потому, что нашла им замену получше. Понимаешь, о чём я?»

Герцог с лицом фарфоровой куклы склонил голову набок, моргнул голубыми глазами и не совсем понял.

В тот момент Рафаэль был погружён в работу над грудой документов, возвышавшейся на столе.

Приближался конец года, и король уже самолично назначил себе свадебный отпуск с медовым месяцем аж до февраля, после Дня святого Валентина. Рафаэль, как первый человек после короля, молча взвалил на себя неподъёмный груз работы, неподобающий его годам. Но даже в такой ситуации он не забывал пристально следить за учёбой Августа, параллельно трудясь и проверяя, как племянник читает по-латыни. Подвиг дяди, достойный восхищения всей Англии!

Но его племянник Август, несмотря на всю занятость, продолжал витать в облаках, что вызывало у Рафаэля лёгкое раздражение.

Чем дольше он общался с Августом, тем выразительнее становилась его мимика. Он уже не был тем самым «второуровневым» лицом, способным лишь на улыбку. Стиснув зубы, он процедил: «Только не говори, что твоя печаль от отсутствия дворцовых интриг вызвана лишь тем, что тебе неудобно отбирать анисовые драже королевы-матери у Елизаветы под каким-нибудь благовидным предлогом. Как-то несолидно».

Август надул щёки. Если говорить серьёзно, это была самая настоящая война за анисовые драже!

— Что вкусного в этих белых шариках? — Рафаэль искренне не понимал, сам-то он их терпеть не мог. — Ты же знаешь, что изначально их придумали миссионеры, чтобы детям было легче глотать лекарства?

— Знаю, — кивнул Август. Но он также знал, что в Средние века, кроме анисовых драже, других сладостей почти и не было. Да и дело было не в сахаре, а в любви! Среди троих детей бабушка просто обязана была кого-то выделять. И этим кем-то должен был быть он!

— ...Но она же тайком дала тебе ещё одну коробку, разве нет?

— Она дала всем! Сможешь поклясться, что тебе не досталось?

— Смогу.

Август: «...»

Рафаэль потрепал Августа по голове, поправляя непослушный вихор. — Ладно, хватит шутить. Я знаю, она всем подкладывает лишнее — это важный элемент поддержания семейной гармонии. Каждый ребёнок должен быть уверен, что он или она — самый любимый. Честно говоря, тебе стоит у неё поучиться. Среди старших тоже идёт нешуточная борьба за звание «любимчика» детей.

— Точно! — будто прозрел Август. — Я должен дать бабушке понять, что она тоже моя самая любимая!

Что касается того, как выразить эту любовь, после долгого обсуждения с графом герцог счёл, что придумал гениальный план — угождать людям, угадывая их желания. Королева-мать в её годы не нуждалась ни в деньгах, ни в любви; оставалась у неё лишь одна слабость — сладкое. А Август как раз знал, как готовить нугу.

Оставшись однажды дома, он попробовал приготовить кое-что по кулинарным видео из интернета. Мороженое, матча-чизкейк... Кхм, лучше не вспоминать. Единственное, что хоть как-то получилось, — это нуга.

По совпадению или нет, но Рафаэль как раз упомянул нугу... вернее, её предка. Это было нечто среднее между сладостью и выпечкой, привезённое с Востока ещё во времена Крестовых походов. Основные ингредиенты — грецкие орехи и мёд; попав во Францию, рецепт немного изменился. Теперь Август хотел усовершенствовать его вновь, что не казалось чем-то слишком уж странным или бесполезным.

Словно подушку подсунули, когда захотелось спать.

— Обожаю тебя, Йер! — Август сам бросился обнимать Рафаэля, прижавшись щекой к его щеке, мягко и нежно.

На лице Рафаэля отразилось полное непонимание того, что же такого осенило Августа, но он воспользовался моментом, приподнял бровь, скрестил руки на груди и с ухмылкой произнёс:

— И обнял — на этом всё?

— А? — Август замер. А что ещё нужно?

Рафаэль поднял руку и указательным пальцем, украшенным мужским перстнем, коснулся своей собственной, будто фарфоровой, щеки. — Полагаю, за всё, что я сделал, чтобы ты так обрадовался, я заслуживаю поцелуй.

Август чуть не поперхнулся. Красавчик, если ты будешь так активно настаивать, я могу не устоять, я тебя предупреждаю! Такого точно захочешь!

Но красавец, не замечая ничего, продолжал торопить:

— Давай же, я видел, как ты целовал королеву-мать. Не притворяйся, что не умеешь.

Тут Август наконец сообразил: Рафаэль просто не вышел из переходного возраста. Что есть у других — должно быть и у него; чего нет у других — он всё равно получит.

Раз так, выходило, это не он пользуется ситуацией, верно? Опытный гомосексуалист Август, с сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, стиснул зубы, закрыл глаза и...

...не попал.

Красавец уклонился.

Август: Что за...?

— Пока придержу. В следующий раз обменяю на что-нибудь посущественнее, — невозмутимо заявил Рафаэль.

<http://bllate.org/book/15929/1423908>